

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

ФОНОГРАФ

«Совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия»*

Мы очень мало замечали все, что происходило тогда в Германии. Вильгельм II — так Вильгельм II, Гитлер — так Гитлер, Гинденбург — так Гинденбург. Все немцы. Нам-то что? Мы иностранцы, нас все это не касалось так, как касалось немцев. Немцы переживали, страдали душой, многие немцы из года в год не могли поверить, что хуже будет. Но им предсказывали все, до самого конца; вот через несколько лет начнется война, в этой войне вы сапогами истопчете всю Европу, а потом вас каким-то образом победят все-таки, победа будет не ваша, и вы будете, как и после первой войны, думать, что вы победили, а окажется, что вы побежденные, и от вашего этого нацизма ничего путного не останется...

Вы вот все спрашиваете, как мы жили, когда нацисты забрали власть? Вмешивались ли они, интересовались ли нами? Ведь жили мы с обыкновенными советскими заграничными паспортами. И до войны, и во время. Тут Вы, конечно, немножко упрощенно, по-советски, представляете себе заграницу. Не забывайте, что хотя немецкий нацизм и был очень схож с нашей системой, потому что тоже был тоталитарным режимом, диктатурой одной партии: здесь коммунистической, там нацистской, но разница была все-таки довольно существенная. Во-первых, не было коренной ломки экономической системы. Вовторых, не было предшествующей великой русской революции и гражданской войны, конечно, которые камня на камне не оставили от русской промышленности, передовых секторов сельского хозяйства. Одним словом, страна к началу 20-х годов у нас была в полном разгроме.

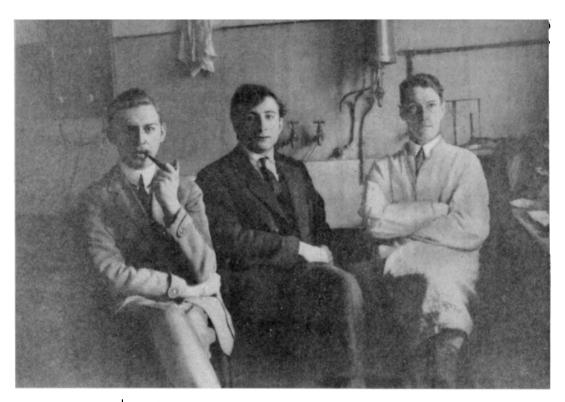
У них, наоборот, процветание началось и всеобщая борьба с без-

Н. В. Тимофеев-Ресовский дома во время беседы. Обнинск, 1974 год

Лесков Н. С. Левша // Собр. соч. М.: Правда. 1972, с. 31.

Продолжение. Начало в №№ 2—6, 1991 и в №№ 1—3, 1992. © Научной библиотеки МГV

169

В лаборатории Кайзер Вильгельм института. Берлин-Бух, 30-е годы

работицей. Но не такая все же как у нас, а откровенная. У нас вся суть борьбы в том, что все время создаются новые должности, места, кланы чиновничьи и рабочие. Там борьбу с безработицей начали так: отправили землю копать всех безработных. Их стали хорошо кормить, немножко платить денег, и они занимались физическим трудом. А у нас же от физического труда все бегут и начинают заниматься спекуляцией, махинациями и т. д. Это первое — разница в экономической подоплеке. Второе — очень существенное: мы в результате революции и гражданской войны оказались за китайской стеной, которую пробиваем до сих пор помаленьку. Одно время, во второй половине 20-х годов, вроде как бы под влиянием еще Ленина, и после его смерти год-два, начали налаживаться нормальные отношения с заграницей: советский гражданин мог за 35 рублей купить заграничный паспорт и ехать, ежели хочет, даже лечиться, куда угодно. С зимы 22-23 года до зимы 28-29 года у нас был практически свободный выезд за границу. Ну, если вы преступник, ежели вы под реальным подозрением, под судом находитесь или следствием, вас не выпустят, потому что паспортная система — заграничная — под контролем все же была.

А внутри страны, ежели можно говорить о юриспруденции, то юридически роль паспортов играли трудовые книжки. Потому что слова «паспорт» тогда боялись немножко. Паспорт связан с полицией и всякая такая штука. Вот вместо полиции с паспортами ввели милицию с трудовыми книжками. Но несколько лет, практически только пятилетку, была такая более или менее свобода.

Эта отрезанность ото всего мира — она в Германии не существовала. До Первой мировой войны по всей Европе можно было даже без заграничных паспортов, просто по визитным карточкам разъезжать. И виз никаких никому не требовалось. После Первой мировой войны

введены были визы и иностранные паспорта для враждующих государств. А союзники между собой по-прежнему без визы, без паспортов могли ездить: англичане, американцы, французы. Немцы и австрийцы тут откололись. Немцам всюду нужны были визы и иностранные паспорта, австрийцам и туркам тоже, конечно, за компанию. На въезд в Германию, опять-таки для австрийцев, не надо было ничего. А французам, англичанам нужны были визы и специальные иностранные паспорта. Внутри стран люди жили без паспортов по-прежнему. Значит, в англо-саксонских странах, в Америке, в Англии, да и в романских, вполне достаточным видом на жительство было наличие в кармане адресованного вам письма.

В Германии высшим удостоверением личности, по которому Вы могли получать любые деньги, пересланные по почте, было почтовое удостоверение. Ежели вы довольно много получали почты заказной, то для простоты на почте можно было получить удостоверение с фотокарточкой. Вот по этому почтовому удостоверению потом, когда все утряслось, в соседние государства, особенно нейтральные: в Швецию, Норвегию, Данию и Голландию, немцы могли ездить свободно.

Так обстояло дело в межвоенное время. В сущности, все снижалась формалистика международных общений. В первые три-четыре года после Версальского договора немцев — ученых — не приглашали на большинство научных конгрессов. Сохранилось, по понятным причинам, такое отношение бывших врагов друг к другу. Но потом все это на тормозах спускалось, и к гитлеровским временам все пришло, так сказать, в спокойное состояние. Осталась политика.

Гитлеризм отличался и от нашей системы, и от итальянского фашизма, с которым его ни в коем случае нельзя путать. Фашизм — это итальянское изобретение специально для Италии. Он имеет к немецкому нацизму очень мало отношения, так же, как по сути дела и к нашему коммунизму. Он вообще из всех этих тоталитарных режимов, я бы сказал, наименее универсальный. Фашизм в Италии был положительным мероприятием. Италия — прелестная страна, сплошь усеянная руинами и местами, подлежащими осмотру, с прекрасным климатом, апельсинами и всякой такой приятной всячиной, но она была в страшно безалаберном состоянии. Даже в самые спокойные времена первой войны, это я еще помню, когда был там с родителями, международные экспрессы, въезжая в Италию, шли хуже наших электричек подмосковных, как Господь на душу положит, без расписания, иногда просто на чаевых, как говорится. Грязно всюду было невероятно.

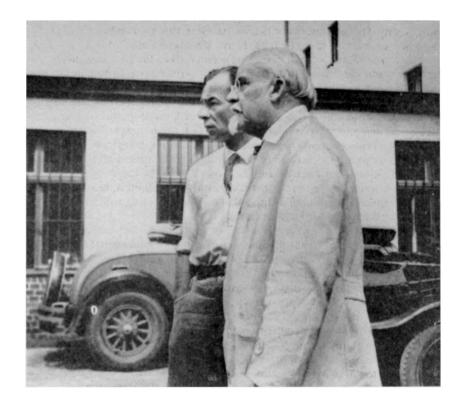
После войны все еще ухудшилось, и взвыли, в первую очередь, богатые туристы, американцы и англичане. Этим воспользовался Муссолини. Он резонно заявил, что все это связано с знаменитой французской демократией, с тем, что в парламенте десять партий, все они соревнуются, ссорятся, мирятся. И, в общем, ни хозяина, ни порядка в стране нет. И решил завести хозяина и порядок. Хозяином, естественно, себя назначил. А порядок — очень просто. Фашисты надели черные рубахи, пояса, обзавелись револьверами и холодным оружием в виде дубинок, и этим простым способом завоевали всю Италию. Конечно, почти все итальянцы стали фашистами и тоже пожелали надеть черные рубахи и получить ежели не револьвер, то дубинку. Так вот Италия стала фашистской. Муссолини стал премьер-министром и дуче и принялся за восстановление итальянской экономики, т. е. за привлечение опять всех богатых людей со всего мира в качестве туристов в Италию. Он отдал приказ: срочно всем фашистам и особливо их женам, дочкам, матерям и прочьему бабьему полу заняться

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

MAMAMA

ФОНОГРАФ

MAMAMA

О. Фогт (справа) и К. Циммерман. Бух, 30-е годы мытьем железнодорожного состава. Буквально за полгода все итальянские железные дороги, весь еще работающий, способный катиться состав вагонов, был вымыт начисто, и, ежели нужно, покрашен и отремонтирован. Итальянские железные дороги стали неузнаваемы.

Кроме того, обнаружилось, что помимо знаменитых островов Сардинии и Сицилии, рядом с итальянскими берегами есть еще много всяких островков. И Муссолини заявил, что каждый, кто плохо вымоет вагоны или кто будет не по расписанию водить поезда: от кочегаров через начальников станций до директоров железных дорог, будет посажен в специальные лагеря на этих островках на рис с небольшим количеством прованского масла и парой апельсинов до исправления. А когда наступит исправление — это неизвестно, это очень трудно определить. И, действительно, островки все эти заселились. Итальянцы все же реалисты, теория их не интересует ни с какой стороны, ни справа, ни слева. Раз посадили синьоров, все-таки привыкших к хорошей, сытой жизни на голодные островки, то нашлись какие-то рыбаки, которые решили: черт с ними, с сардинками, пусть испанцы продолжают ловить, а мы огороды будем для синьоров разводить. И очень хорошо окультурили все островки: и рис завели, и пшеничку, и дыни прекрасные, всякую всячину. Поэтому синьоры, отдыхающие от высоких постов, в общем, жили неплохо и спокойно ждали, когда Муссолини и его правящая партия найдет, что они уже исправились и их можно вернуть ежели не на прежние посты, то на соответствующие. Вот так начался фашизм. И фашизм, действительно, 95% итальянского населения приветствовало искренне, потому что на парламентские политические партии, безразлично, коммунистические, социалистические, националистические, католические — плевать было среднему

итальянцу. Итальянцы были реалисты. Они хотели mangiare, причем жрать им хотелось каждый день. И это замечательно.

А вот немецкий фашизм был не фашизмом, а был нацизмом. Это была национал-социалистическая партия, которую очень ловко Гитлер с сотрудниками прибрали к рукам. Нельзя забывать, что крупный коммунистический деятель Геббельс стал, собственно, его правой рукой политической... Но до 36 года внутри страны, окромя, значит, легких еврейских погромов, никакой особой политики не было. Жили себе люди по-прежнему, немножко хуже, конечно, но ничего особенного не происходило. А во время Олимпиады в Берлине в 36 году, когда со всего мира иностранцы съехались, была свобода, как в догитлеровские времена. Германия тогда была самой свободной и, как известно, демократической страной в мире. Такой она была и летом 36 года, до осени включая. Вот вам один пример.

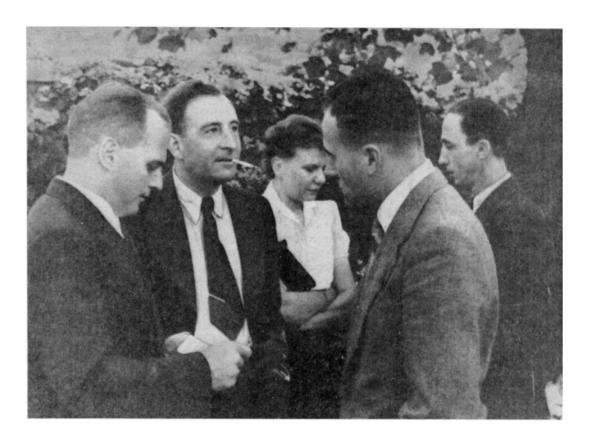
Дельбрюк, мой друг и отчасти ученик, отчасти сотрудник, ныне нобелевский лауреат, был крайне антинацистски настроен. Он сам из старинной немецкой интеллигентской семьи. Его отец был знаменитым профессором истории, сперва где-то в Геттингене, потом в Берлине. Самый известный его труд — это пятитомная военная история Европы, всей Европы. У Дельбрюка была двоюродная сестрица — Рената Тейк, восходящая кинозвезда. Такая довольно смазливенькая девчонка, которая для ускорения карьеры киношной, так сказать, заигрывала с нацистами. Ругала евреев, как положено, и, вообще, все положенное высказывала совершенно свободно, не стесняясь. Так же, как у нас лысенковцы свободно, не стесняясь, высказывали все, что считали нужным высказать. Мы решили эту Ренату Тейк разыграть.

Был у нас приятель, очень хороший физик-теоретик Йокель. У него папаша был Иокель — немец, а мамаша была еврейка. И он настолько был весь в мамашу, что всегда носил такой значок нацистских профсоюзов: полуевреи в негосударственных учреждениях могли продолжать работать и могли состоять в профсоюзах, а евреи нет. И вот мы придумали магараджат в Малайзии — Сукугундию*, ну, с какими-нибудь 25—30 миллионами каких-то там сукугундцев, которые находятся в подчинении магараджи сукугундского. Йокель был назначен магараджей сукугундским, я разыгрывал самого себя, русского, Дельбрюк был рабом магараджи сукугундского. Затем Олег Цингер, художник, мой приятель, стал итальянцем, он по-итальянски довольно бойко говорил, и ему было поручено сукугундский диплом для Тейк нарисовать на сукугундском языке. Да, и главное участвующее лицо был настоящий и живой, совершенно натуральный секретарь голландского посольства, приятель Дельбрюка с хорошей посольской дорогой машиной. Тейк сообщено было через ее тетку, тоже такую бесноватую немку, которая о ее карьере очень беспокоилась, что вот на Олимпиаду приехал магараджа сукугундский, который, оказывается, ее поклонник как киноактрисы, мечтает познакомиться и хотел бы даже преподнести ей сукугундский диплом как заслуженной артистке Сукугундии. Та пришла в дикий восторг, конечно. А жила она в хорошем дорогом пансионе на Курфюрстендамм. Это самая шикарная улица в западном Берлине была. Ну, она должна была соорудить себе особое дневное парадное платье. И еще организовать кофий с тортами, пирожными, конфетами, ликерами и всякой такой штукой у себя в салоне в этом пансионе в определенный день в три часа.

Большая часть Индонезии тогда принадлежала в качестве колонии Голландии, поэтому-то появился и голландский секретарь натуральный. Ровно в три он приехал на своей посольской машине и при-

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

Согласно преданию название магараджата образовано из двух слов: сука — собака (русс.) и hund — то же самое (нем.). — Ред.

Слева первый — X. Баур, второй — H. В. Тимофеев-Ресовский, четвертый — А. Буццати-Траверзо. Германия, 27—32 годы

вез Дельбрюка, раба, и магараджу сукугундского — Йокеля. Мы все уже их ожидали в своих ролях. Рената Тейк нервничала, бегала к себе в спальню что-то там подмазывать, потом опять выбегала. Голландец ей все объяснил: «Знаете, фройляйн, они, конечно, все, вместе с магараджей, подданные нашей королевы, но, с другой стороны, он сатрап, владеет практически 20 миллионами рабов, так что он привык делать все, что захочет. Ни на одном языке, кроме сукугундского, он не говорит, так, немножко по-голландски. Он будет мне говорить, а я на немецкий все это буду переводить. Конечно, он не какой-нибудь великий император, но все-таки надо соблюсти, так сказать, этикет определенный. Он, вообще, парень хороший, веселый такой, глупый очень, но вы должны сделать малый придворный книксен, большой не требуется делать. Потом он вам ручку поцелует, а вы ему ручку поцелуете. Потом вы сядете, будете угощать его кофием, он будет врать всякую всячину, я вам буду переводить. А потом, когда настанет время уезжать, он мигнет своему рабу (раб будет тихо в уголке стоять с этим самым дипломом), тот принесет ему диплом, на коленки перед ним упадет, подаст ему диплом и отправится обратно в угол, а он вам поднесет диплом. И потом мы уедем. Перед отъездом опять он вам протянет ручку, вы ему поцелуете ручку, и все кончится на этом.» Так все по этикету и произошло. Значит, она эту полуеврейскую ручку дважды поцеловала и была в полном восторге.

Сели мы все в машину — настоящую голландскую дипломатическую машину, чуть ли ни «ролс-ройс», одним словом, какую-то громадную, дорогую шикарную машину и поехали по Курфюрстендамм. А у нас уже разыгрался аппетит. Увидели мы шикарное кафе, а кафе,

по случаю летнего времени, было вынесено на половину широченного тротуара, вылезли, решили кофию еще раз выпить с чем-нибудь. Вот, представляете, восточного вида такой важный человек на голландской дипломатической машине и в каком-то совершенно тропическом виде раб черномазый, потому что Дельбрюка тот же Олег Цингер загримировал так, что двоюродная сестрица его не узнала... Только мы сели за столик, выбежал метрдотель, и нам притащили черт знает чего. Когда мы поинтересовались, сколько все это будет стоить — ничего не будет стоить! Честь нашего заведения и т. д. Нас даром напоили, накормили. Ну, ладно, мы поели, сели в машину.

А недалеко от Zoo, Зooлoгического сада, открылся тогда буфетавтомат. Такой вход большой, а справа и слева автоматы, впереди была касса, где можно было поменять марки на такие фишки металлические. Их опустишь, и вылезает всякая всячина: либо стакан и течет пиво из крана, либо, одним словом, все, что угодно: и кофе, и чай, и пиво, и вино, и бутерброды, и пирожные — все, что хотите. И даже горячие сосиски. Так вот, магараджа сукугундский — дикий все-таки, заинтересовался всем этим. Наменяли ему фишек, и стал он их всюду совать. А мы все были совершенно уже сытые, пересытые, уже и не могли есть. Тут выскочил опять-таки директор этого заведения, предложил еще кучу фишек. Одним словом, мы веселились, показывали магарадже, как действует эта автоматическая ресторация.

Потом мы решили послушать и купить кое-какие граммофонные пластинки. Поехали в универмаг, огромный шестиэтажный универмаг, где на самом верхнем этаже продавались граммофонные пластинки. У входа в универмагах берлинских тогда всюду были такие вывески с национальными флажками: «Говорят по-русски», «On parle français» и т. д. на всех языках. Магараджа посмотрел и возмутился, что сукугундского языка нету. Тут тоже выбежал какой-то директор, извинялся страшно, что сукугундского переводчика нет. Когда выяснилось, что секретарь голландского посольства может перевести, то успокоился, пожелал нам счастливого пути по универмагу. Тут произошел трагический случай: отстал, потерялся раб, а он ни на каком языке, кроме сукугундского не говорил по определению. Он потерял нас перед подъемником, перед лифтом. Мы приехали на 6 этаж, а его нет. Но все-таки магараджа и его антураж всей публике бросился в глаза, поэтому раба знаками и пинками проводили каким-то образом на 6 этаж к граммофонным пластинкам, где магараджа уже отобрал целую стопку, за которую опять с нас ни гроша денег не хотели брать. И тогда-то мы решили, что довольно, а то влопаться можно. Вот сколь велика была демократия и свобода...

В середине 30-х годов, как раз в 37 году, наконец, догадались меня вызвать в обширное наше отечество даже через генеральное консульство или полпредство, как тогда называлось. К тому времени Фогт вышел в отставку в качестве директора института, а мой отдел, который в 36 году был превращен в отдел генетики и биофизики, отделился уже в финансовом и административном отношении от Мозгового института и стал просто отделом генетики и биофизики буховского Кайзер Вильгельм института. Мы очень хотели вернуться. И хотя знали, что там делается, но все-таки немножко недооценивали. Но нам друзья написали, что возвращаться к нам сюда из-за границы сейчас можно только прямо на тот свет или, в лучшем случае, ежели повезет, то в Магадан. Так и билетик брать не в Москву, а сразу в Магадан. И Кольцов через шведов мне написал, что ни в коем случае не возвращайтесь. Только всем нам навредите, нам всем будут непри-

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

MAMAMA

ФОНОГРАФ

MAMAMA

ятности, а вам большие неприятности. Ну, я поэтому оттягивал, оттягивал, а потом началась война, уже нельзя было возвращаться, даже при полном желании. Остался в качестве вражеского иностранца там.

Меня особенно не тревожили. Я так долго уже прожил в Бухе, все меня знали, полиция меня тоже знала. Когда стало известно, что иностранцы, которые живут в Германии, должны каждую неделю появляться в своем полицейском участке, чтобы зарегистрироваться, что они существуют, никуда не делись, никуда не убежали, я через неделю появился в Бухе в полиции. Начальник полиции, какой-то майор или подполковник полицейский (ведь полиция — это не наци, просто полиция), услышав, что это я, вышел из своего кабинета, поздоровались, он меня к себе утащил в кабинет, предложил чашечку кофе и сказал: «Знаете, херр доктор, ведь Вы нас давно знаете, давно здесь живете, мы Вас тоже давно знаем. Ну, что Вам таскаться к нам. Я Вам птичку буду ставить каждую неделю — и все». Так больше я и не появлялся в полиции. Ставили мне птичку рукою самого начальника полиции.

Действительно, нас каждая собака в Бухе знала. Так как мы на еду тратили в среднем в три раза больше денег, чем немецкая семья, то все торговцы нас знали, потому что мы много у них покупали. Это нам очень во время войны пригодилось, когда карточки были. Нам подсовывали продукты без карточек, потому что ни мясник, ни молочник, ни булочник не хотели выгодных клиентов терять. Всю войну полагалось сперва в день 200 грамм мяса, потом 100 грамм, в последний год войны, по-моему, 75 грамм. Но это граммы мяса без единой косточки, без единой жилки. Это чистое мясо, какого мы сейчас в Обнинске купить не можем, потому что продают черт знает что, ребра. Мы както отвыкли от того, что в стране может быть все совершенно нормально. Тем более в войну... Жена по нашим карточкам последний раз получила то, что нам положено, когда Бух занимался уже советскими войсками.

Когда началась война, наша международная группа, к сожалению, распалась. Все мои иностранцы были интернированы, очень мирно, спокойно сидели и дальше работали. Но все-таки большинство моих сотрудников были немцы, и так как все они, в основном, были молодые люди, то были призваны и пошли воевать. Но в Бухе у нас было очень хорошо. Практически не было шпиков. Многое и отчасти даже наши кружковские занятия продолжались. Из университетов евреев выгоняли. Но университет казенный. A Kaiser Wilhelm Gesellschaft формально было общество частное, а не казенное. Чисто научно-исследовательских институтов в этом обществе было к тому времени в Германии уже 36 штук. Они были не тронуты. Я Вам потом расскажу, как мы нескольких очень хороших еврейских ученых спасли такими наивными способами, которые тут бы не сработали, а у наивных немцев срабатывали. Лиза Мейтнер, прекрасный физик, уехала в Норвегию накануне войны, в 38 году, по-моему. Затем мы устраивали многих полуевреев, иногда даже, ежели внешность совершенно не отличима от немецкой, а по паспорту еврей, то таких мы тоже укрывали иногда в Бухе.

Я получал какие-нибудь стипендии, например, от центра Krebs — центра по изучению рака. Многие получали оттуда стипендии для каких-нибудь работников, никакого отношения прямого к раку не имеющих. А мы получали на мутации, потому что часть раков возникает в виде мутаций. И с такой стипендейкой он переезжает в Бух, при

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

институте были комнаты, квартирки. Прописки никакой особенно не требовалось. Так многие пережили войну. Мой друг, Шурочка Кач, вообще не немец. Его отец был литовский полуеврей, а мать русская — Пузанова, сестра зоогеографа Ивана Ивановича Пузанова, умершего в очень уже древнем возрасте профессором зоологии в Одессе. Дед его, проживавший уже в России, принял в свое время немецкое подданство. Будучи инженером, представителем каких-то немецких технических фирм для того, чтобы по еврейской линии не иметь никаких неприятностей, он стал немецким подданным. А в 19 году они были отправлены в Германию, когда всех немцев возвращали в Vaterland. Потом Гитлер появился. Отец Шурочки числился евреем, и он, хотя на самом деле был евреем только на четверть, доказать это никак не мог, и его чуть в лагерь не отправили. Но я его перевел в Бух. Он прекрасный ученый, сейчас директор биологического сектора западногерманского Атомного института. Там два директора: один физик, один биолог, и оба мои ученики и сотрудники: доктор Циммер и доктор Кач.

Конечно, гитлеровская Германия была очень ужасна, но в какихто отношениях все-таки несравнима со сталинским режимом. Сталинизм был много ужасней, да и жизней он потребовал много больше. Никак 48 миллионов людей было угроблено в этот сталинский режим. Это почти целая Германия. Но нам тогда очень было противно, ужасно. Но мне было все же менее противно, чем немцам. Я был иностранец, и, так сказать, со стороны смотрел на все эти дьявольские безобразия.

(Продолжение следует)

Материал подготовлен М. В. РАДЗИШЕВСКОЙ

Слева направо: Мёллер, Дарлингтон, Тимофеев-Ресовский. Во время VII Международного генетического конгресса. Эдинбург, 1939 год